

И. ЭРЕНБУРГ

Звездная буря и фешенебельные гостиные

С алтарей и с кафедр долгие века говорили о сладчайшем смирении, но кто без страха мог припомнить непостижимый возглас Христа: «Огонь пришел Я низвесть на землю». Любовались ясными звездами, не слыша там, в небесах, диких песен несущихся миров. А из земной утробы, разбухая, прорастали бледные побеги ползучей плоти, разлученной с душой. Ныне земля переживает двойное чудо в одних свершениях, два лика единой эпохи.

На горы и доли, на алчущие города низведен вселенский огонь, опаливший души, закрутивший мирские толпы. Но чрево земли взалкало, отвергло дух и вечность, чудище, разметавшись в плотской истоме, обрывает звездный виноград и пользуется солнцем, как совершенную печь. Две враждующие стихии в современности, в ее сердце откормленный удав и пылающий голубь.

Это началось давно. Предчувствия томили Европу, мирно дремавшую на террасе кафе. Лейпцигский профессор, прочитав Достоевского, пугливо шептал: «Сумасшедший или пророк?» и уносил подальше из спальни опасный томик.

Какие-то испанцы резвились, бросая в небо, в короля, в своих жен бомбы. На пьяном корабле уплыл в Харрару к восторженным неграм мальчишка Рембо. Заглянув в черную дыру, там, где сияла прежде бирюзовая эмаль, отсек свое пылающее ухо Ван-Гог. Венки на стене Пер-Лашез, не засыхая, цвели кровавыми гвоздиками.

Закружился в водовороте, к себе пригвожденный, Скрябин. Ученые в уютных кабинетах чертили — заклиная дьявола — планы подводных лодок, аэропланов, танков. Наконец горячие ключи пробили земную кору. Безумие гениев стало безумием мира. В смрадные, распаленные дни после четырнадцатого года сошли с ума все — от Вильгельма до сенегальца, от Пикассо до

писаря из Царицына. Связь времен распалась. Прежняя гармония прорвана, еще бесформенными потоками, не мысля о берегах, несется по Земле извечный Дух. Кто не чувствует присутствия космических сил в современности, кто хочет о ней судить по газетам, съездам и революциям — безнадежно слеп. Не ночь просто над миром, но тютчевский оголенный хаос, в выстрелах и столах, в предсмертных молитвах, в гимнах расстрелянных, в топоте проходящих батальонов. Не дождь, но потоп, не гроза, но очищение дряхлого мира в огненной купели. Европа томится, трепещет, горит под яростным дыханием единого творческого Духа. Несутся, бьются под разными знаменами, с разными песнями, народ против народа, класс против класса, партия против партии, но с тем же низведенным свыше огнем в сердцах.

Это сверху, а снизу из глубин плоти, материи, праха вышли трезвые безумцы, математики революции! Они тоже давно томилась в смердящих столицах Европы. Они — люди всех наций и всех классов, у них, как у нас, глаза, волосы, язык. Но это машина, жаждущая идти против работника, плоть, порвавшая с духом.

Это разница во времени, в языке, в костюме, но это не революция! Материалисты решили предоставить звезды астрономам, отвести для Бога музейную залу и разрешить космические страсти декретами о разводе. Они победили задолго до октября, ибо Европа двадцатого века была торжеством и завершением материализма. Война и революция явились не борьбой за новые идеи, но катастрофами, порожденными гниением неодоухотворенной плоти. Слабый человек, я могу томиться и жалеть о гибели творцов и творений.

Я люблю искусство современности, мучительное, бесформенное, взыскующее, воистину искусство канунов, Белого и Хлебникова, Блуа и Папини, Пикассо и Татлина. Тысячи иных, еще безымянных, несутся к тому пределу, за которым вечность, в жажде передать вневременную мелодию хаоса нашими бесвязными, дикими, летучими словами.

Но пытающиеся остановиться среди вьюги хотят тоже творить. Канонизируя мгновенное состояние народов, они тщатся еще увенчать его пламенем искусства. Это идеологи так называемого «пролетарского» искусства. Их ощущение современности ярче всего передал когда-то мятежный поэт, а ныне казенный бард коммуны Маяковский в своей последней пьесе «Мистерия-Буфф». Там очень четко отмечены причины: надоели «небесные сласти» и «бумажные страсти», хотим «жрать» и жить с здоровой бабой (в другом месте, впрочем, еще проще — прославляется

«блуд»). Спросите тысячи тысяч спекулянтов, банкиров, маклеров, не подпишутся ли они под этими пожеланиями. Стол со всякими яствами, как алтарь и святыня, должен погибнуть в огне наших дней. Истинные бунтари Герцен или Бакунин с негодованием отвергивались от красных мещан, видя, что рвущиеся к вкусному соусу еще тупее и страшнее объевшихся и пресыщенных, которых легко выкинуть прочь одним пинком.

Маяковский рассказывает, как «революционеры», переплыв моря и океаны, скинув в море «буржуев», произведя, как подобает, две революции, пришли в новый коммунистический рай. Пророк новой (ох, какой старой!) веры вещает:

Судите сами: Христово небо ль,
евангелистов голодное небо ли?
В раю моем залы ломит мебель,
услуг электрических покой фешенебелен.

Да, это не [Христово небо, не евангелистов голодное небо] * и даже не земля, а просто старая знакомая гостиная с золочеными Людовиками, в которую врываются неопиты «новой» веры с реквизиционными ордерами. Неужели мы томились, неслись, умирали только затем, чтобы, описав несколько кругов, вернуться в фешенебельную мерзость мещанского общества?

Все, что преподносится ныне как искусство «революционное» и «пролетарское», безнадежно мертво. Слепой может, размахивая штыком, убить дракона, но он никогда не поймет, кого сразил, более того, если бы он видел, быть может, штык выпал бы из его рук. Все поэты «пролеткультов» — слепы, не понимающие величия нашей эпохи. Они полагают, что прославление коммунистического благополучия, перечень лозунгов знамени, придворные мадригалы и прочее — это и есть новое искусство.

Выхваченные, как одно звено, они остаются жалкой, земной суетней, достойной хроникера, но не поэта. «Плач о гибели земли Русской» Ремизова или клерикальные бредни Леона Блуа — мятеж, а музыка «Интернационала», стихи из «Правды», всякие агитационные плакаты — стоячее, зацветшее болото.

Счастье нашего времени в его лете. Сегодня для завтра мертво. Можно верить, что коммунистическая программа — новое Евангелие, что человечество успокоится в фешенебельных креслах мюнхенских декораторов, взятых на учет. Можно эту веру

* Типографский пробел в газете, восстановлено публикатором по смыслу.

подкреплять соответствующими карами и разрешениями: печатать Демьяна Бедного и устранить Вячеслава Иванова; вместо «Розы и Креста» ставить «Красные Зори» или «Борьбу за власть Советов на Кубани». Внешний успех обеспечен — тысячи «пролеткультов», в книжных магазинах только стихи о фабричных гудках и демонстрациях, на улицах плакаты мастеров из «Синего журнала», представляющие лихих красноармейцев. Это можно устроить, но нельзя никакими декретами насадить искусство по соответствующим директивам, но никакими запретами нельзя остановить безудержный ветер, творческую бурю, которая теперь охватила мир.

Смысл знамений наших дней велик. Он, конечно, не по плечу идеологам коммунизма. Мы трепещем на перевале. В небесах пылают две зори, закатная и восходная. Новый день, омытый нашей кровью, встанет в негданной красоте. Взыгравшие силы найдут иную, невидимую нам гармонию. Нет пророка, который мог бы ныне прочесть письма небес и угадать, куда мчится Земля. Быть может, нашим внукам эта революция будет казаться темным, сумеречным кануном, наше искусство — предрассветным томлением. Но есть у нас иная радость, муки родов, потеря всего, светлая нищета и щедрость безумия.

Наша земля действительно приняла огонь и мечется в звездной буре. Не ради фешенебельных гостиных мы пять лет горим на невозможном костре, горим все — русские, англичане, немцы, негры, «белые», «розовые», «красные», просто люди, но чтоб на выжженной земле зазвенели новые песни, выросла бы буйная, невиданная досель новь.

